

Станислав Маркович Ермоленко

начальник отдела ценных и редких книг Новосибирской государственной областной научной библиотеки, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Новосибирской православной духовной семинарии, эксперт Российской академии наук

БОГОСЛОВСКИЙ ДОГМАТ И «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ»: О РОЛИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫХ ИСТИН В СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ)

Аннотация. Статья посвящена описанию одного из возможных механизмов рецепции богословских догматов из сферы православного вероучения в область литературного творчества, особенно средневекового. В работе показано, что ассимиляция догматического материала литературным текстом осуществляется не только в идейном (содержательном) плане, но и на уровне структурно-композиционной организации. На примере текста Толковой Палеи показано, как христологический догмат Боговоплощения, извлеченный из библейского контекста, встраивается в структуру литературного произведения и обретает новые формально-композиционные функции, не утрачивая своего вероучительного содержания.

Ключевые слова: богословский догмат, литературный факт, структура художественного текста, Толковая Палея

Обширность научно-исследовательской проблематики, известной под общим названием «Православие и русская литература», предполагает детальную разработку входящих в нее конкретных тем и идей. Ряд вопросов, рассматриваемых в рамках данного проблемного поля, может быть освещен только в междисциплинарном ключе — на границе литературоведческой науки и богословия. К таким вопросам, в частности, относится выявление и описание *механизмов рецепции*, то есть не поверхностного заимствования, а глубокой ассимиляции богословских догматов из сферы православного вероучения в область литературно-художественного творчества.

Механизм ассимиляции богословских догматов литературной традицией осуществляется не только в идейном (содержательном) отношении, но и на структурном (формальном) уровне. При этом феномен влияния догматов на идейное содержание литературных текстов традиционно интересует исследователей значительно больше, нежели механизмы их встраивания в структуру литературного текста. По этой причине теория (методология) и практика описания *структурной* ассимиляции богословского догмата в литературный текст разработаны в значительно меньшей степени. Важно, что изучение заявленной проблематики на материале древнерусской словесности также требует специфической методологии и соответствующих подходов.

Православное догматическое богословие, целенаправленно занимающееся систематическим описанием христианских вероучительных истин, указывает на такие их ключевые свойства, как *богооткровенность*, то есть дарованная человеку по воле Бога возможность знать и понимать изначально сокровенное, *теологичность*, иначе говоря — вероучительность, *церковность* и *законообязательность* как непререкаемость для всех членов Церкви Христовой. Основные источники догматических установлений Христианства подразделяются на две обширные группы: Священное Писание и Священное Предание. Вероучительные истины как бы экстрагируются из Писания и Предания, отделяются от своего контекста, извлекаются из структуры священных текстов и обретают самостоятельное значение.

Литературоведческая наука зачастую рассматривает тексты Священного Писания и Священного Предания как значительный фактор формирования и развития той или иной национальной литературы. Современный литературоведческий подход, в сущности, не отменяет богословского понимания догматов, а лишь раскрывает иной, историко-литературный аспект функционирования христианских вероучительных истин в человеческой культуре, в частности, в структуре литературных текстов.

К текстам разных эпох необходимы различные теоретико-методологические подходы, особенно, если речь идет о средневековом тексте. Эта мысль отчетливо сформулирована Ю.М. Лотманом в его капитальном труде «Структура художественного текста» (1970). Средневековый, в том числе древнерусский текст, исследователь рассматривает как функционирующий по законам «эстетики тождества», в отличие от произведений литературы, созданных по правилам «эстетики противопоставления».

Дихотомия *эстетика тождества* — *эстетика противопоставления* — является фундаментальной оппозицией, системно проведенной Ю.М. Лотманом через всё его исследование структуры художественного текста. В основе этой концепции лежит представление о литературном творчестве как акте коммуникации, процессе обмена информацией. Автора литературного произведения Ю.М. Лотман именует «адресантом», или «передающим» информацию, читателя — «адресатом», или «принимающим», а литературно-художественное произведение — «сообщением».

Если адресат (читатель) дешифрует литературно-художественное сообщение с помощью кода, отличного от знаковой системы отправителя (автора), то исходный смысл, заложенный в текст его создателем, получает разнообразные интерпретации. Когда множественность интерпретаций произведения словесности заложена в него автором на этапе создания, то речь идет о литературно-художественном тексте, функционирующем по законам *эстетики*

противопоставления кода отправителя и кода получателя. Если же кодировка сообщения отправителем и дешифровка получателем осуществляются в рамках одной знаковой системы, а изменение кода дешифровки ведет к деформации, принципиальному искажению содержания исходного сообщения, то мы имеем дело с *эстетикой тождества*. В этой ситуации код отправителя и код получателя должны быть тождественны, идентичны, тогда интерпретация текста будет единственно верной.

Применительно к теме нашего исследования концепция эстетики тождества преломляется следующим образом. Цитата, реминисценция, иная отсылка к Священному Писанию или Преданию, так или иначе встроенная в структуру русского средневекового текста, может иметь единственную верную (заложенную автором) интерпретацию — в ключе православной богословской мысли, особенно если эта отсылка содержит положения догматического характера.

Подчеркнем, что Ю.М. Лотман, описывая тождественность кода отправителя и кода получателя, вовсе не имел в виду естественный человеческий язык, например, древнерусский, владение которым — неперемное условие коммуникации между автором и читателем русского средневекового текста. Владение одним и тем же естественным языком, как известно, не гарантирует взаимопонимания и успешной коммуникации между людьми. Так же и в литературе. Если читатель средневекового текста владеет тем же естественным языком, что и автор, это не означает, что из множества интерпретаций будет выбрана единственно верная. Для этого необходимо владение иными кодами, которые Ю.М. Лотман называет «вторичными языками», или «вторичными моделирующими системами», надстроенными над естественным человеческим языком. Искусство, в том числе литература, — одна из таких систем¹.

Важнейшее свойство литературного произведения — это структурно-композиционная организация его текста. Структура и композиция включают в себя все части текста в их взаимном расположении, а кроме того — всю совокупность выразительных, художественно-образовательных, поэтико-риторических средств и приемов, использованных в произведении с определенной целью. Закономерности структурно-композиционного устройства текста и являются тем «вторичным», специфическим художественным «языком», понимание которого (конечно, наряду со знанием естественного языка) ведет к верной интерпретации средневекового текста, адекватной замыслу его создателя.

Если в лотмановской информационно-коммуникативной модели средневекового текста место читателя (адресата) занимает исследователь-медиевист, то оказываются возможными два сценария его взаимодействия с текстом: позитивный, когда исследователь владеет кодом отправителя (автора) и верная интерпретирует литературное произведение, и негативный, когда различие в кодах адресанта и адресата дает искажение исходного смысла.

Второй сценарий можно наблюдать на протяжении почти двухсотлетней истории изучения текста Толковой Палеи — самого значительного экзегетико-полемического сочинения древнерусской словесности, излагающего ветхозаветные события от сотворения мира до жизнеописаний царственных пророков Давида и Соломона. Один из первых и наиболее продуктивных исследователей Толковой Палеи В.М. Истрин (1865–1937) отмечал наличие в палеинном повествовании особых элементов, которые он назвал *обещаниями*.

Функциональное назначение обещаний в структуре текста Толковой Палеи заключается в том, чтобы в контексте одного ветхозаветного события затронуть какую-либо тему, чаще всего догматическую, и пообещать читателю продолжить рассказ на эту тему в контексте описания иного библейского события. Ярким примером обещания может служить следующий эпизод.

¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 21.

Автор Палеи излагает библейскую историю прорицателя Валаама и приводит его знаменитое пророчество о Христе (Чис. 24: 10–18), сказанное моавитскому царю Валаку: «...восияеть звезда от Иакова, и встанеть человекъ от Израиля...»¹. Христианская экзегетика однозначно трактует эти слова как ветхозаветное пророчество о рождении Спасителя, что в вероучительном плане указывает на христологический догмат о воплощении Сына Божия. Далее автор Палеи обещает своему читателю и оппоненту (в данном случае в лице гипотетического иудея) следующее: «Вижь же убо, жидовине, яко звезда восияеть от Иакова, о ней же пошедьше ти укажемъ»².

Речевой оборот «пошедьше ти укажемъ» означает, что повествователь планирует в последующих фрагментах палейного текста вернуться к затронутой теме. Многие исследователи, ожидавшие, что текст Палеи, подобно тексту Библии, будет доведен, по меньшей мере, до событий земной жизни Христа, пришли к выводу, что это обещание, как и иные подобные эпизоды в тексте Палеи, продолжения не имеет, то есть является невыполненным, поскольку текст Палеи «обрывается» на истории Давида и Соломона. Более того, невыполнение автором Палеи своих обещаний толкуется исследователями как одно из основных свидетельств незавершенности этого текста и спонтанности, то есть непродуманности палейного повествования.

По нашему мнению, такая позиция является неверной. Доказать обратное возможно, если выбрать для интерпретации палейных обещаний не исключительно литературоведческую позицию, но междисциплинарный богословско-литературоведческий подход, вполне закономерный для истолкования средневекового экзегетического текста.

Поскольку в тексте Толковой Палеи перелагается, а не дословно повторяется библейское повествование, структура библейского текста в процессе палейного изложения перестраивается, деформируется, дополняется экзегетическими, полемически-обличительными (антииудейскими и антимаргариетанскими) выпадами, натурфилософскими описаниями, подчас апокрифическими деталями и подробностями. По нашему мнению, у автора Палеи не было плана последовательно довести свое повествование до новозаветных событий. Однако за счет приемов типологической экзегезы, устанавливающих параллели между ветхо- и новозаветными лицами и событиями, повествователю удалось на материале начальных книг Ветхого Завета показать прообразовательный характер описанных в них событий.

Такой же эффект достигнут и с помощью упомянутых обещаний, которые были выполнены автором, но не замечены исследователями, так как они интерпретировали текст Палеи, выражаясь языком Ю.М. Лотмана, с помощью кода, используемого литературоведческой наукой, в то время как составитель Палеи закодировал свое сообщение на языке богословия. Так, вопреки твердому убеждению исследователей в неосуществленности разобранного выше обещания о звезде Иакова, его реализацию находим в одном из самых концептуально значимых текстов в составе палейного повествования. Речь идет о завершающем текст Палеи комплексе обетований ветхозаветных пророков Давида и Соломона о новозаветных событиях. Среди пророчеств Соломона обнаруживается обещанное упоминание о рождественской звезде: «О Рожстве же его гаданиемъ рекъ и потаеная възвещая: “Праведный ражається въ животь, звезда светомъ сказаема обретається; Отрока Господня собе именуеть и бысть на обличение помышлениемъ нашимъ; угажающимъ ей от болезни избавляеть и обещати разумъ имети Божий”»³.

Таким образом, структура библейского текста в процессе создания палейного повествования перестраивается, но незыблемыми при этом остаются именно догматические истины, извлеченные из структуры библейского текста и встроенные в новую структуру текста Толковой Палеи.

¹ ОР РГБ, ф. 304/1, № 38, л. 145об.

² ОР РГБ, ф. 304/1, № 38, л. 145об.

³ ОР РГБ, ф. 304/1, № 38, л. 205–205об.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале палеяного и хронографического повествования XI–XV веков). СПб., 2008.
2. *Истрин В.М.* Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906.
3. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
4. *Малиновский Н., прот.* Догматическое богословие: в 4-х т. Т. 1. Сергиев Посад, 1895.
5. *Тынянов Ю.Н.* О литературном факте // Леф. 1924. № 2. С. 101–116.